

Куприева И.А., к.ф.н.
Воробьева А.Е., к.ф.н.
НИУ «БелГУ», Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСЕМ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ДИАХРОНИИ¹

Настоящая статья посвящена системному рассмотрению лингвистических изысканий в области изучения лексики психических процессов в диахронии. В фокусе внимания авторов оказываются принципиальные аспекты семантики таких лексических единиц, отмечаются потенциальные направления модификация и преобразования системного и функционального значений в темпоральном аспекте.

Ключевые слова: психические процессы, лексемы, диахрония, модификации семантики, системное значение, функциональное значение

Kuprieva I.A., Vorobyova A.E.
Belgorod National Research University, Russia

STUDY OF LEXEMES NOMINATING MENTAL PROCESSES IN DIACHRONY

The article deals with systemic study of linguistic works connected with their search of lexemes nominating mental processes in diachrony. The authors' attention is concentrated on the principal aspects of semantics of such lexemes. They work out perspective lines of modification and change of their meaning in the temporal aspect.

Key words: mental processes, lexemes, diachrony, modification of semantics, systemic meaning, functional meaning.

Изучение семантики предикатов психических процессов в диахронии является явлением довольно редким и узкоспециальным, тем не менее, позволяющим наметить перспективы установления модификации значения на историческом срезе. Например, в исследовании Л.А. Калимуллиной особое внимание уделяется изучению метафорических переходов в семантической деривации предикатной лексики, включая эмотивную. Автор реализует при этом динамический подход к семантической деривации, что позволяет вскрыть механизмы метафоризации и ответить на вопрос о развитии лексической системы в целом. Л.А. Калимуллина отмечает, что лексические слои: «физиологическая сфера человека→эмоциональная сфера», «физическая сфера человека→эмоциональная сфера», «психологическая сфера человека→эмоциональная сфера» остаются несмотря на метафоризацию. Автор приходит к выводу о том, что семантический сдвиг в пользу добавления эмоционального компонента значения происходит не только в синхронном, но и диахронном плане [1].

П. Козвисто-Аланко[4] проводит диахроническое исследование семантических изменений существительных, номинирующих познание, в русле прототипического подхода. В качестве иллюстративной единицы для

¹Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-5513.2014.6)

исследования взято существительное *wit*, поскольку именно оно рекуррентно в текстах начала XV века. Указанное существительное вместе с синонимами *mind* и *intellect*, с точки зрения автора, располагаются по отношению к ядру на определенных местах семантического поля в зависимости от системного и контекстуального значений. Так, например, существительное *wit* в рассматриваемый исторический период встречается в значении «восприятие» (*sensory meanings*), «хорошие ментальные способности» (*good or great mental capacity*) или просто «ментальные способности» (*mental capacity*). Последнее значение соотносит рассматриваемое существительное с прототипическим центром «познание». Окказиональное употребление существительного *wit* в значении «качество и скорость ментальных операций» отсылает, по мнению автора, к прототипическому центру «выражение». Таким образом происходит сближение семантики существительного *wit* с тремя указанными центрами, вследствие чего получается интересное умозаключение о том, что семантический сдвиг значения от системного, коррелирующего со значением области «познание», в результате исторических перемен осуществляется в пользу центра «выражение». Иными словами, автор прослеживает тенденцию модификации значения соответствующего существительного-универсалии и приобретения им дополнительных положительных коннотаций [4].

Оба приведенных исследования на историческом срезе модификации значения указывают на изменение семантики слов в пользу добавления «эмоционального или экспрессивного компонента». Это, естественным образом осложняет системное значение и влечет за собой появление полисемантов и, как следствие, синонимии. Соответственно, изучение этимологических характеристик наиболее репрезентативных лексем психических процессов видится актуальным, поскольку полученные сведения дадут возможность указать на модификацию значения или ее отсутствие на протяжении функционирования той или иной лексической единицы от момента возникновения до этапа современности. И если гипотеза об исторических метаморфозах значения рассматриваемой лексики подтвердится, в дальнейшем возможен учет критерия актуальности значения на функциональном уровне.

Например, одним из репрезентативных вербализаторов психических процессов является прилагательное *mental*, которое происходит от латинского *mentālis, mēns*, что соответствует современному «mind» и первоначально имеет буквальное значение «ментальный, относящийся к сфере сознания». Помимо заявленного значения, этимологические словари свидетельствуют также о референции прилагательного *mental* и значения «художественный вкус», «философское осознание» [2]. Далее прилагательное *mental* относится к трактовке различных заболеваний, психических расстройств. Современное же толкование рассматриваемого прилагательного как «ментальный, интеллектуальный» наряду с первоначальным значением «психически больной», которое, кстати, отодвигается на периферию семантической структуры, допускает и участие этого прилагательного в сленговых выражениях для описания психически нездорового человека, сумасшедшего, например: 3. (*Psychiatry*) *affected by mental illness a mental patient*; 4. (*Medicine*) *concerned with care for persons with mental illness a mental hospital*; 5. (*Psychiatry*) *Slang insane* [5].

Несмотря на тот факт, что прилагательное *mental*, согласно словарным дефинициям довольно рекуррентно в медицинском, научном дискурсе, оно способно приобретать коннотативный оттенок. Например, словосочетание *mental handicap* говорит о некоторой несостоятельности или ущербном функционировании психических процессов. Даже учитывая то обстоятельство, что оно беспристрастно и безоценочно описывает умственную неполноценность человека (*mental handicap (noun) a condition in which the intellectual capacity of a person is permanently lowered or underdeveloped to an extent which prevents normal function in society*[3]), в последнее время в научном дискурсе заменяется термином *learning difficulties (difficulties in acquiring knowledge and skills to the normal level expected of those of the same age, especially because of mental disability or cognitive disorder*[3]). Считается, что термин *learning difficulties* является менее оскорбительным по отношению к людям, страдающим умственными недостатками (*In emphasizing the difficulty experienced rather than any perceived 'deficiency', it is considered less discriminatory and more positive than other terms such as mentally handicapped, and is now the standard accepted term in Britain in official contexts*[3]). Таким образом, получается, что словосочетание *mental handicap* с течением времени, переходя из научного дискурса, в общедоступную дискурсивную среду современности, становится оценочным и несет в своей семантике отрицательную коннотацию.

Идентичная ситуация наблюдается касательно прилагательного *mental* в сочетании с существительным или при самостоятельном употреблении в качестве субстантива в отношении описания психических заболеваний. И если словосочетание *mental illness* релевантно в медицинском и научном дискурсах в нейтральном значении (*(noun) a condition which causes serious disorder in a person's behaviour or thinking*[3]), то в художественном дискурсе высвечивается отрицательная коннотативная часть, которая соответствует русскому «больной» в отношении психических отклонений, которое употребляется для преувеличения недовольства поведением здорового и психически нормального человека, например:

I think he was a little worried that I might be mental[3].

Независимо от второй части словосочетания с прилагательным *mental* в случае с описанием психического здоровья, в контексте современного научного, медицинского и художественного дискурса данное прилагательное является оскорбительным, неприемлемым со второй половины XX столетия, о чем говорится в словарях: *The use of mental incompounds such as mental hospital and mental patient was the normal accepted term in the first half of the 20th century. It is now, however, regarded as old-fashioned, sometimes even offensive, and has been largely replaced by the term psychiatric in both general and official use*[3]). Таким образом, получается, что в случае с прилагательным *mental* при учете его дистрибутивных характеристик подтверждается тенденция изменения значения в сторону приращения экспрессивного компонента. Однако такую тенденцию нельзя абсолютизировать, поскольку модификации значения остальных лексем происходят в пределах не только оценочного, но и денотативного компонента.

Существительное *perception*, которое в современных толковых словарях трактуется как восприятие посредством органов чувств с последующей

категоризацией (1. *the process, act, or faculty of perceiving*; 2. *the effect or product of perceiving*; 3. *a. the recognition and interpretation of sensory stimuli based chiefly on memory*; *b. the neurological processes by which such recognition and interpretation are effected* [5]), первоначально (вXIVвеке) ассоциировалось преимущественно с интеллектуальной сферой (*the taking cognizance of; intuitive or direct recognition of some innate quality*) [2]). Из этого следует, что модификация значения лексемы происходила, исключительно, в предметной области психических процессов при отсутствии коннотаций. В настоящее время рассматриваемое существительное, как правило, обозначает различные виды восприятия и нерекуррентно для описания исключительно ментальных операций.

Лексема *sense*, будучи в настоящее время преимущественно вербализатором ощущения, первоначально соотносилась с перцепцией посредством органов чувств (*to perceive by the senses, 1520 (ED)*), впоследствии обозначала «умственные способности» (*mental faculties, sanity from 1560s*) [2]. Как и в случае с лексемой *perception*, речь в данном случае идет об изменении денотативного компонента в пределах предметной области обозначаемого и при отсутствии каких-либо коннотаций.

Другая рекуррентная лексема *attention* первоначально описывала ситуацию ментального акта внимания (*mental heeding* (XIV век)). Примечательным является также факт сочетания данного существительного с различными глаголами (*Used with a remarkable diversity of verbs (e.g. pay, gather, attract, draw, call)*) [2]. В настоящее время семантическая структура в данном случае расширилась, что отразилось на способности лексемы *attention* описывать и интеллектуальное, и чувственное внимание, при этом ее способность мотивировать глаголы различных семантических групп для описания аттрактора внимания сохранилась по настоящий момент.

В описании субстрата психических процессов в современном понимании интересной видится лексема *mind*, обозначающая разум в современных толковых словарях. Первоначально данная лексема описывала процессы памяти (*memory, remembrance, state of being remembered, late XII c.*[2]); в настоящее время ее семантика коррелирует с понятием «разум», которое как целое соотносится с понятием памяти, что можно проиллюстрировать соответствующей словарной дефиницией: 1. *The human consciousness that originates in the brain and is manifested especially in thought, perception, emotion, will, memory, and imagination*[5].

Другие лексемы, номинирующие психические процессы, *concept, imagination, language, memory* не претерпели особых семантических метаморфоз, как в их инициальном значении, так и в современном, присутствует прямая корреляция с ментальной картинкой—*draft, abstract*[2], воображением—*faculty of the mind which forms and manipulates images*[2], вербализацией мыслей—*act of speaking, manner of speaking, formal utterance*[2], памятью—*recollection (of someone or something); awareness, consciousness*[2]. Однако лексема *memory* зачастую ассоциировалась с эмоциональным подтекстом *care, thought, mermeros causing anxiety, mischievous, baneful, mourn, remember sorrowfully*[2], что, в основном, говорило о коннотативном аспекте ее

значения. Последнее обстоятельство не актуально на сегодняшний момент, что отодвигает подобное значение на периферию семантической структуры.

Эмоционально-волевая сфера, представленная репрезентативными лексемами *emotion* и *will*, изначально, с момента появления рассматриваемых существительных, проявляет идентичные сегодняшним семантические особенности. Иными словами, существительное *emotion*, первоначально ассоциируемое с волнением (*moving, stirring, agitation*), впоследствии начало обозначать сильные чувства *strong feeling* (1650) и, в конце концов, стала зонтиковым номинантом для всех проявлений аффективной сферы (*any feeling (1808)*) [2]. В таком качестве лексема *emotion* существует и по настоящее время. Лексема *will* как в начале своего исторического семантического пути называла и продолжает называть любые волевые процессы (*wish, desire, want*) [2].

Небольшой обзор семантических модификаций лексем, номинирующих основные психические процессы, показывает, что изменение их значения происходило по нескольким направлениям: изменение денотативного и изменение коннотативного компонента значения. Такие выводы обращают к объяснению системной и контекстуально обусловленной полисемии с опорой на постулаты когнитивной лингвистики и гештальт-психологии, представлению ментальных структур, ассоциируемых с гештальтом как зонтиковым конструктом, выполняющим инструментальную роль в процессе формирования знаний о психических процессах, что выносится на перспективу настоящего исследования с целью выявления общей тенденции темпорального изменения семантики универсалий вне зависимости от языковой принадлежности.

Литература

1. Калимуллина, Л.А. Диахронический аспект семантической деривации // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки (филология), 2006. Вып. 5. С. 21-28.
2. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/>
3. Oxford Dictionaries. URL: <http://oxforddictionaries.com/>
4. PAIVIO, A. Mental representations: a dual coding approach. New York : Oxford Univ. Press, 1990. 322 p.: ill.
5. The Free Dictionary/URL: <http://fr.thefreedictionary.com>

Куценко А.А., соискатель
Огнева Е.А., д. ф. н., доц.
НИУ «БелГУ», Россия

КРОССКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЛЮТТОНИМОВ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЕЛЕСЕРИАЛА «АББАТСТВО ДАУНТОН»

Статья посвящена исследованию концептосферы художественного текста: выявляются особенности репрезентации культурем-глюттонимов картины мира Британии начала XX века, также корректность их передачи на русский язык на основе результатов когнитивно-сопоставительного анализа оригинального текста субтитров